

Egor Borisovich Fuchs

**Анекдоты князя
италийского, графа Суворова
Рымнинского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3

Egor Borisovich Fuchs

Анекдоты князя италийского, графа Суворова Рымнинского / Egor Borisovich Fuchs – М.: Книга по Требованию, 2022. – 209 с.

ISBN 978-5-518-01653-8

ISBN 978-5-518-01653-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

погрѣшься, когда озябну.“ Такое вступленіе въ новое знакомство мнѣ очень не понравилось, и я ушелъ опть его обѣда. За столомъ спрашивалъ онъ, куда дѣвался художавый Бригадиръ? и ему опвѣчали, что занемогъ коликою.— Опть многихъ спарался я уанавашъ о первыхъ впечатлѣніяхъ, кошорыя производилъ его пріемъ; и всѣ согласовались съ моими чувстввами. Чшобы и вы со мною согласились; позвольте мнѣ васъ ему предспавишъ. Переселимся мысленно въ вѣкъ его и сыграемъ комедію; но невымышленную. Зная васъ, ваше воспитаніе, вашу образованность, ваше уваженіе къ вельможамъ, вы бы конечно пожелали увидѣшъ того знаменитаго Россіянина, героя всѣхъ вѣковъ прошедшихъ и будущихъ. Вы, можете бышъ, невольню приговорились бы сказапъ ему что-нибудь лестное; но, вдругъ, гдѣ вы?— въ избѣ, или проспой горницѣ; спарикъ, въ солдатской куршкѣ или въ рубашкѣ, безъ докладовъ выбѣгаешъ, обнимаешъ васъ, начинаешъ вамъ раасказывать спранности, небылицы, прыгаешъ, вершишся, дѣлаешъ вамъ вопросы, ни съ чѣмъ несообразные. Вы пренецеще, чшобы не проговорилъ, не попастьъ въ немогузнайки; и кто же опомъ чудакъ? Суворовъ!— Навѣрно свазали бы вы мнѣ шже, что одинъ добрый и достой-

ный пріятель мой, котораго я уговорилъ предсавившись ему, и которому онъ сказалъ, увидя большой его носъ: „Поцѣловалъ бы шебя въ губы, но носъ мѣшаетъ.“ Пріятель мой сямъ оскорбился, и сказалъ мнѣ съ досадою: „Чѣмъ вамъ вздумалось привести меня въ домъ сумасшедшихъ.“ Хопфль-было поспѣхъ уйши. — Такъ и Лейбъ-Медикъ, Вейкарпъ, послѣ перваго пріема, хопфль немедленно возвратившись въ Пешербургъ. И онъ обидѣлся отзывомъ Суворова, что Наумъ, его фельдшеръ, первый врачъ въ Европѣ. А такъ какъ у Вейкарпа выговоръ Нѣмецкій ему не понравился, по велѣнью ему говоришь по-Русски, и ошвѣчалъ даже на этомъ языкѣ, если бы Суворовъ и забывшись спалъ съ нимъ говоришь по-Нѣмецки. Вейкарпъ съ трудностію извяснялся по-Руски. Подивившись же теперь! Пріятель мой сдѣлался въ продолженіе времени преданнѣйшимъ человекомъ Суворова; а Вейкарпа заспаю я въ Вильнѣ на колѣнахъ вредъ Распятіемъ молящагося съ пролившимъ слезъ. Я испугался и спросилъ его, не получилъ ли онъ изъ Пешербурга неприятныхъ о семействѣ своемъ извѣстій? „Нѣтъ;“ ошвѣчалъ онъ „вижу, что Медицина наша ограничена; я прибѣгаю и молю всѣхъ благъ Подателя, да вразумишь меня изцѣлишь нашегоонца.“ — Такъ всѣ

окужавшіе его, послѣ пербыкъ шляхитъ испытаній, дѣлались его приверженцами. — чшо подумали бы вы на сей аудіенціи, увидя Генералиссимуса, по подбѣгающаго къ вамъ, по опбѣгающаго, начинающаго въ одномъ углу дѣлать сравненіе древнихъ Грековъ съ Римлянами; вдругъ слышите вы рассказы о бывшей пляскѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; ошюда переходъ къ Римнику, повѣспованіе о сраженіи, котораго вы не понимаете. Но довольно вы успали; выходите изъ сего сумбурнаго міра, и спрашиваете меня, гдѣ же Суворовъ? — Онъ въ своемъ кабинетѣ: шамъ все, чшо вы видѣли и слышали здѣсь, прекращается. Тамъ однажды и неспали расшупился, и онъ мнѣ сказалъ: „За чѣмъ не сберегъ шы лучше эти матеріалы для спола; шеперь пора рабочая.“ Тамъ дикшуетъ онъ диспозицію къ сраженію, взѣшиваетъ въ умѣ своемъ силы непріятельскія, назначаетъ позиціи своимъ войскамъ, предписываетъ имъ дѣйствія новыя, черпаетъ самъ планы, или поправляетъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генераль-Квартермейстеровъ, Шапелера и Цаха, которые за шо не сердятся, но изумляются и благодарятъ его. Румяновы, Конде, Тюрены и весь Ареопагъ великихъ полководцевъ, кажется, въ немъ воскресаютъ. Эшо

VI

не ласль: неумолкающій громъ песниде-
сипи побѣдоносныхъ сраженій возвѣ-
щаетъ по вселенной! Вы увидѣли бы
рѣдкій феномень: человѣка въ двухъ ли-
цахъ; перемѣнили бы прежнее односто-
роннее свое объ немъ сужденіе, и умоли-
ли. Но послѣ сего молчанія угадываю
уже вашъ вопросъ: „За чѣмъ же такому
великому мужу показываешься чудакомъ?“
Вопть эпого-по вопроса я и препеналь.—
Скажу вамъ, что знаю; напередъ чув-
ствую, что не удомешворю вполне ва-
шему любопытству. Спарики рассказы-
вали мнѣ, что онъ началъ пакъ спранни-
чаль съ Полковничьяго чина, когда съ
полкомъ своимъ осадилъ и взялъ приспу-
помъ Монастырь. Намъ оспается шоль-
ко удивляться, какъ чрезъ шполь долгое
время, по конецъ жизни своей, носилъ онъ
сію личину спранносшей! Онъ, по видимо-
му, не хотѣлъ сложить ее съ себя, чтобы
не переспать былъ Суворовымъ. Расска-
жу вамъ, что мнѣ говорилъ на эпопъ
счепъ одинъ престарѣлый, придцани пя-
ши-лѣпній сопупникъ Суворова. Воптъ
его слова: „Онъ рѣшилъ бытъ единспвен-
нымъ, ни на кого не походить. Для сего
пробѣжалъ онъ прежде обширное поле
Исторіи всѣхъ вѣковъ; вы видите, съ
какимъ вниманіемъ читаесть, слушаесть,
двердитъ онъ біографіи всѣхъ великихъ

VI

мужей, хвалишь примѣры ихъ величія; но, для своей славы, прокладываетъ новую, дополъ неизвѣстную шпору. Онъ знаетъ, что наружность его не позволяетъ ему когда-либо сравниться съ особенною самовипоещю и даромъ слова Румянцова; что дабы уподобиться въ великолѣпнн и въ огромныхъ замыслахъ Пошемкина, нужны были бы несмѣльные миллионы золота. Повѣрьте мнѣ,“ продолжалъ Вилимъ Христофоровичъ Дерфельденъ „сей мнимый врагъ зеркала, замѣня въ ономъ невидную свою наружность, начерпиль тогда же планъ той роли, которую теперь играетъ. Мы всѣ видимъ неупоминмое его стремленіе, быть героемъ и казаться чудакомъ. И мы не можемъ довольно возблагодарить Промыслу, вознесшему на опечеслвенный Пресполь нашъ образецъ во благоспн Царей—Екатерину. Она въ спраанностяхъ Суворова, неперпимыхъ во всякой службѣ подъ другимъ Правленіемъ, видѣла зарю будущей Своей славы.“—слова сіи, плоды придцани пяши-лѣтнихъ наблюденій! Присоединю здѣсь нѣчто на счетъ пользы, опъ спрааноспей его происходившей. Я видѣлъ нерѣдко, какъ приходили къ нему Союзные Генералы, съ жалобами, или объясненіями по недоразумѣніямъ, споль часто между Союзниками возникающимъ и угрожав-

VIII

шимъ тогда непріятными послѣдствіями, даже разрывомъ. Но одно его неожиданное оспрое слово, шуплицый какой -нибудь разсказъ о постороннемъ предметѣ, проказливые скачки — попушалаи вдругъ пламя раздора въ самомъ его началѣ. Они забывали иногда, за чѣмъ приходили. — Цѣною многочисленныхъ побѣдъ, безпредѣльной довѣренности къ нему войска и опытнаго знанія сердца человѣческаго, приобрѣлъ онъ сіе преимущество издѣвавшись надъ всѣми, когда мы думали, что мы надъ нимъ смѣемся. Онъ былъ оригиналъ, и оригиналъ неподражаемый. — Не могу не упомянуть здѣсь о слѣдующемъ, ему пересказанномъ анекдотѣ, что когда одинъ Генераль, желавшій выпить по слѣдамъ его, закричалъ однажды войску словами и голосомъ Суворова: „Здравствуйте, ребяна, чудобогашыри, друзья мои, и пр. и пр.“ по всѣ солдаты раскожопались, и произнесли въ одинъ голосъ: „Что эшопъ спарикъ къ намъ привязался?“ Всѣ его восклицанія дѣйствія надъ ними не произвели. Воспоргъ, съ какимъ выслушалъ Суворовъ сей анекдотъ, обнаружилъ слишкомъ торжество его въ неподражаемой его оригинальности. Изъ многихъ, здѣсь помѣщенныхъ анекдотовъ увидите вы, что онъ не хотѣлъ походить на шѣхъ военачальниковъ, о

которыхъ говоряшь только въ продол-
 женіи ихъ начальствованія. Нѣтъ, онъ
 хопѣль и внѣ круга сей дѣятельности
 быль предметомъ безпрестанныхъ раз-
 говоровъ своихъ воиновъ, жишь въ серд-
 цахъ ихъ, быль, какъ я уже сказалъ,
 книгою въ ихъ избахъ, забавляль собою
 и удивляль, и съ особенностію характе-
 ра своего спояль наравнѣ съ воинскимъ
 своимъ гениемъ. Игралъ такую ролю, ни
 опъ кого незаимствованную, а самимъ
 собою для себя сотворенную, выдержи-
 валъ ее во всѣхъ превращеніяхъ долго-
 временной жизни своей, преобразилъ ее
 во вѣщую себѣ напуру — есь, въ нрав-
 ственномъ мѣрѣ, явленіе чудесное! И сему
 по жерпвовалъ онъ своимъ умомъ, свои-
 ми нравственными и физическими сила-
 ми, своимъ покоемъ, шакъ сказаль: всѣмъ
 быпьемъ своимъ! — и для чего?... чпобы
 быль человекомъ необыкновеннымъ, един-
 ственнымъ; чпобы сіяль въ Исторіи бла-
 готворнымъ для человѣчества феноменомъ.
 Разкройше сіи анекдоты, обрисовываю-
 щіе раскиданные опрывки его умоначер-
 танія, и вы вспрѣлните въ нихъ слѣды
 спремленія его къ сей единой цѣли. — Въ
 одномъ анекдотѣ говоритъ Суворовъ,
 чпю Александръ не сжегъ Аѣинъ для по-
 го, чпобы въ памощныхъ госпинницахъ
 рассказывали о его гаврспвахъ. „Пущь,“

присоединяетъ онъ „и о моихъ солдатскихъ проказахъ говорить въ артеляхъ.“ Сіе - то лучше всего оппечатаваетъ порывы его къ безсмертію. — И этого Россіянина, за то, что онъ былъ знаменитый Россіянинъ, песприли, марачли, чернили приспраспныхъ, злобою упишанныхъ перья нѣкоторыхъ Испориковъ Германіи и Франціи. Но извѣспный на Германскомъ горизонтѣ писатель, Сеуме, побуждаемый благородспвомъ чувствъ и справедливоспи, оппважился бытъ его защитникомъ; за то иностранные журналы возспали на него, и обвинили его въ приспраспніи — шакъ укородилося предубѣждение проптивъ Суворова! — Г. Сеуме былъ Россійской службы Офицеромъ, за неявку въ срокъ въ полкъ свой выключень, возвратился въ Германію, и сдѣлался извѣспнымъ своими сочиненіями, а болѣе описаніемъ спранспивованія своего дѣшкомъ въ Сиракузы. Въ ономъ говорилъ онъ о Суворовѣ; и я съ удовольспвіемъ выписываю вамъ здѣсь въ переводѣ слова сего чужеземца, для котораго испица на священна.

Вошъ какъ онъ говоритъ: (*) „Городъ Айроло, на Альпійскихъ горахъ, былъ мо-

(*) См. *Spaziergang nach Syrakus*, а *Thell Sicil*
т. 200.

имъ впорымъ ночлегомъ. Здѣсь помѣ-
 спился я въ домѣ, въ кошоромъ говори-
 ли по - Нѣмецки, по - Италіянски и по-
 Французски. Хозяинъ дома составлялъ
 съ своимъ семействомъ пріятный кругъ,
 гдѣ я пошчасъ водворился. Суворовъ
 споялъ у него нѣсколько времени на квар-
 тирѣ, и оба мы имѣли пошчасъ пункшъ
 прикосновенности. Онъ былъ преиспол-
 ненъ энтузіазма къ опарику Генералу, и
 хвалилъ особенно его любезность и сни-
 сходительность, что можетъ бытъ мно-
 гимъ покажется спраннымъ и подозри-
 тельнымъ. Но я не вижу, за чѣмъ бы хо-
 зяину въ Айроль, на высопѣ Сен-Гопара,
 говоришь о томъ, чего онъ не видалъ.
 Суворовъ былъ не одинъ Генераль, ко-
 торый во время войны сдѣлалъ ему честь
 жить у него въ домѣ: онъ описывалъ
 другихъ, какъ онъ ихъ находилъ. Многіе
 изъ нихъ извѣстны всѣмъ. Я имѣлъ уже
 двусмысленное счастье слышь привержен-
 цемъ спарому Суворову, а я спарался
 шолько спасалъ истинный его характеръ,
 и исполковывалъ нѣкоторые феномены,
 кошорые спавили ему въ вину. Левъ
 умеръ; и всѣ на него бросаются. Знаю,
 что вся жизнь его была цѣль особенно-
 стей. Но если послушаешь его недобро-
 кошовъ, то онъ вздорный, безхарактер-
 ный спарикъ; а шабимъ онъ, право, нико-

гда не былъ. Спранность была вообще его оппечашокъ. Политическія тогдашнія оппашенія показывающъ, въ какомъ мучительномъ положеніи находился Суворовъ; онъ говорилъ объ оппашкахъ смѣло, безъ пощады и лицепріятія; былъ спаръ и болѣнъ, и предвидѣлъ конецъ своей жизни. Неудовольствіе его въ таковыхъ обспоятельстввахъ не могло уменьшиться. Пропущенія и кошорыхъ его подчиненныхъ приписывались ему въ вину. Какъ правдивый мужъ, знающій себѣ цѣну, но съ желѣзною грудію солдата, имѣлъ онъ особеннспи, копорыя казались инымъ проказами. Онъ былъ спрогъ къ себѣ и въ прешованіяхъ оппъ другихъ. Рассказывали объ немъ въ одномъ иносспранномъ городѣ, какъ о поспыдномъ скрагѣ; но это грубая ложь: ибо въ характерѣ его спшоль же мало скупоспи, сколько и хваспливей распощительности. — Я совершенно удостовѣренъ, что Суворовъ былъ честный человекъ, а не жестокосердый. Ты знаешь, что я ему ничѣмъ не обязанъ, а попому и не можешь находить въ моихъ оппзывахъ объ немъ ничего иного, кромѣ честнаго моего мнѣнія. Если вѣришь Англичанамъ, копорые личнымъ своимъ характеромъ заслуживающъ довѣріе; то Сѣверный Суворовъ, если и все справедливо, что объ немъ рассказыва-